

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №2, Том 10 / 2019, No 2, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK219.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Болдырева С.М. Просторечная лексика как средство воздания художественной языковой картины мира автора (на материале произведений Марии Семеновой) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK219.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Boldyreva S.M. (2019). The vernacular vocabulary as a means of rendering the artistic language picture of the world of the author (on the examples of the novels of Maria Semenova). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK219.pdf> (in Russian)

Статья написана только для публикации к защите диссертации

УДК 8

Болдырева София Михайловна

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
«Историко-филологический» факультет, кафедра «Филологии»
Аспирант 3 года обучения (специальность направления 45.06.01 «Языкознание и литературоведение», программа подготовки: Русский язык)
МБОУ «Лицей №9» города Белгорода, Белгород, Россия
Учитель русского языка и литературы
Магистр (44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа – Языковое образование)
E-mail: sofkasov@yandex.ru

**Просторечная лексика как средство воздания
художественной языковой картины мира автора
(на материале произведений Марии Семеновой)**

Аннотация. Данная статья посвящена анализу просторечий, которые функционируют в произведениях «Тот, кого я всегда жду...» и «Волкодав» М. Семеновой. Анализ собранного языкового материала романа предполагает, что данные языковые единицы также репрезентируют языковую картину мира автора, выполняя роль стилеобразующего фактора. Мария Семёнова, создавая свои романы в абсолютно новом поджанре под названием «славянское фэнтези», в процессе речетворчества активно использует народно-поэтическую и псевдофольклорную лексику, что дает возможность читателю прочувствовать всё богатство русского национального языка. Просторечия, не всегда уместные в письменной речи, органично вплетаются в канву повествования её произведений, представляя нам героев как носителей народной мудрости.

В романах М. Семеновой показана жизнь людей в их постоянном общении между собой, с природой и т. п. Именно по этой причине в текстах много диалогов, монологов, то есть разговорной стихии автор отводит значительное место. И это отражается на выборе лексических средств. На протяжении всего времени изучения текстов при подготовке диссертации и данной статьи нами насчитано более 500 просторечных, разговорных и внедиалектных слов, выражений, функционирующих в произведениях писательницы.

По функциональной роли, по соотношению с литературным языком просторечие – самобытная речевая сфера, которая имеет место быть внутри каждого национального языка. Функционально противопоставленное литературному языку, просторечие, как и литературный язык, коммуникативно значимо для всех носителей национального языка. Будучи категорией

универсальной для национальных языков, просторечие в каждом из них имеет специфические особенности и свои особые взаимоотношения с литературным языком.

В просторечии представлены единицы всех языковых уровней; на фоне литературного языка оно выявляется в области ударения, произношения, морфологии, лексики, фразеологии, словоупотребления.

Ключевые слова: народно-поэтическая лексика; языковая картина мира; псевдофольклорная лексика; фольклор; стилизация; М. Семенова; славянское фэнтези; олицетворения; идиостиль; просторечие; устаревшие слова

Русский язык является живой и активно функционирующей системой, подвергающейся постоянным изменениям. В современной устной речи мы всё чаще сталкиваемся с использованием просторечной лексики. Но что читатели могут сказать об использовании подобного в письменной речи – в литературе?

Мария Семёнова, создавая свои романы (все части «Волкодава» и роман «Тот, кого я всегда жду...») – второе название «Валькирия» в абсолютно новом поджанре под названием «славянское фэнтези», в процессе речетворчества активно использует народно-поэтическую и псевдофольклорную лексику, что дает возможность читателю прочувствовать всё богатство русского национального языка. Просторечия, не всегда уместные в письменной речи, органично вплетаются в канву повествования её произведений, представляя нам героев как носителей народной мудрости [1]. Подобно иным языковым явлениям рассматриваемые нами в данной статье *просторечия, являясь «одной из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком; вместе с народными говорами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык имеет наддиалектный характер» [2]*, представляют собой категорию историческую.

В.В. Виноградов определял литературный язык как общий язык письменности того или иного народа, часто и целой группы народов, то есть всех проявлений культуры, которые выражаются в вербальной форме, чаще – письменной, но реже – устной. Различается письменно-книжная и устно-разговорная форма литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие их подчинено определенным историческим закономерностям [3].

В.Д. Бондалетов же называет просторечие компонентом языка, который противопоставлен одновременно литературной языковой речи и территориальным диалектам. Ученый разделяет все просторечия на две группы: *внелитературные общенародные и сниженные грубые элементы [2]*.

Процесс ассимиляции просторечий в языке просторечий, в свою очередь, подтверждает наше понимание использования автором данного языкового явления наряду с фольклоризмами с целью приближения реципиента к описываемой действительности дохристианского периода Древней Руси [4, с. 36].

В романах М. Семеновой показана жизнь людей в их постоянном общении между собой, с природой и т. п. Герои находятся в постоянном движении, не перестают развиваться. Если в начале произведения мы видим простых, наивных и во многом незрелых юнцов, принимающих спонтанные решения, то (по мере развития сюжета) набираются мудрости не только сами герои, но и обогащается их речь. Монологи становятся более продуманными, а образы – более глубокими.

Именно по этой причине в текстах много диалогов, монологов, то есть *разговорной* стихии автор отводит значительное место. И это отражается на выборе лексических средств. На протяжении всего времени изучения текстов при подготовке диссертации и данной статьи нами насчитано **более 500** просторечных, разговорных и внедиалектных слов, выражений, функционирующих в произведениях писательницы.

По функциональной роли, по соотношению с литературным языком просторечие – самобытная речевая сфера, которая имеет место быть внутри каждого национального языка. Функционально противопоставленное литературному языку, *просторечие*, как и литературный язык, коммуникативно значимо для всех носителей национального языка. Будучи категорией универсальной для национальных языков, просторечие в каждом из них имеет специфические особенности и свои особые взаимоотношения с литературным языком [5, с. 44].

В просторечии представлены единицы всех языковых уровней; на фоне литературного языка оно выявляется в области ударения, произношения, морфологии, лексики, фразеологии, словоупотребления («*ложить*» вместо «*класть*», «*обратно*» в значении «*опять*»).

Для просторечия в произведениях характерны экспрессивно «сниженные» оценочные слова с гаммой оттенков от фамильярности до грубости, которым в литературном языке есть нейтральные синонимы (ср. пары «*шарахнуть*» – «*ударить*», «*дряхнуть*» – «*спать*», «*драпануть*» – «*убежать*») [6, с. 169].

Норма их употребления состоит в том, что они допускаются в литературный язык с ограниченными стилистическими заданиями: как *средство социальной речевой характеристики персонажей* [7], для «сниженной» в экспрессивном плане характеристики лиц, предметов, событий. В литературное просторечие входят лишь те речевые элементы, которые закрепились в литературном языке вследствие их длительного использования в литературных текстах, после длительного отбора, семантической и стилистической обработки. Наряду с просторечными словами в литературное просторечие включаются диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально-ограниченную прикрепленность [8, с. 39]. К литературному просторечию следует причислить и слова, обозначающие реалии, которым нет номинаций в литературном языке, например «*зеленя*», образовавшееся от прилагательного «зеленый», но (при переходе в существительное) приобрело окончание на гласную букву, чего мы в современном русском языке мы не находим.

Опираясь на всё вышеуказанное, мы можем предположить, что масштабное применение просторечных и разговорных слов является для автора важной частью работы над образами героев. Делая просторечные и разговорные слова частью речи каждого героя, М. Семёнова создаёт большую правдоподобность окружающей нас языковой картины мира. Она упрощает речь героев, делает её более народной и доступной для понимания каждому из читателей [9]. Просторечные слова в сочетании с устаревшими словами поясняют и оплетают смыслом почти незнакомое слово так, что понимание наступает без помощи использования определенных словарей.

Так, например, глагол *смекать* – разговорная форма, просторечный синоним к слову *понимать*, имеет значение «быть в состоянии понимать что-либо, разбираться, быть сведущим в чем-либо: второе значение: думать, прикидывать, представлять в уме»¹.

---

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз. 2000. – в 2 т. – 1209 с. – (Б-ка словарей рус. яз.), с. 145.

«Я стала **смекать** и сама испугалась, поняв: шутки шутками, а ведь одна ринула здоровенных парней бросить с силой»².

Так же автор использует такие разговорные элементы, как **шасть** – являясь повелительной формой глагола, происходит от слова **шастать**, которое в толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля трактуется как «нечаянный вход, вступление, быстрый переход»³:

«Так-то вот, а теперь **шасть** на полати, да не топчите, **негодные!**»⁴.

Неоднократно встречается в текстах М. Семеновой слово **могута**, которое является существительным, являет собою просторечное слово и представляет собой синоним к словам **сила** и **мощь**:

- «...закричала я из последней **могуты**»⁵;
- «...рванулась что было **могуты**»⁶;
- «...бежала, кажется, из последней **могуты**, отчаянно взмахивая руками»⁷.

В Словаре русских народных говоров мы находим толкование слова **клёкнуть** как характерное южным (курским) и среднерусским (новгородским) говорам, где данный глагол имеет значение «сделаться вязким, липким», то есть дойти до состояния готовности к очередному замесу, а после – запеканию, сравним в тексте М. Семеновой:

«Как **клёкнет** пышное тесто»⁸.

Просторечные слова, которые употребляет писательница, могут служить и средством реализации категории оценочности в зависимости от ситуации (положительной или отрицательной), например:

«Не стерпел бы, вздумай при нем, скажем, сегван **охаивать** веннов»⁹.

Охаивать – разговорная форма обзывать, образованная от слова **хаять** – «высказываться о ком-либо, чем-либо крайне неодобрительно, критиковать, ругать кого-либо, что-либо»¹⁰.

Просторечные слова, которые носят пренебрежительную окраску, часто используются в тексте как оценочное обозначение характеристики человека, например, передают оценку наивного, доверчивого, инфантильного, но и глупого человека:

- «...что же это ты учинил над собой, **дурень** разнесчастный»¹¹;

² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 11.

³ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / Т. 1–4. – Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1903–1911, с. 456.

⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 44.

⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 18.

⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 169.

⁷ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 359.

⁸ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 50.

⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 55.

¹⁰ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз. 2000. – в 2 т. – 1209 с. – (Б-ка словарей рус. яз.), с. 454.

¹¹ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 320.

- «...ведь каждый раз, **дурень**, боялся, кабы чего не случилось»¹²;
- «...сверкающий самородок оказался обманкой, золотом **дураков**»¹³;
- «...горька была давняя баснь, и я, **дура** девка, знай всхлипывала»¹⁴.

В других случаях просторечные элементы могут нести в себе и положительную оценочность, например, в текстах М. Семеновой неоднократно встречается в речи героев разговорное слово *малявка* и его формы и дериваты: *малявки*, *малявочки*. Это разговорное слово применяется как нарицательное по отношению к младшим членам семьи, отряда или маленьким детям, а также может выступать в роли обращения к ним:

- «...**малявки** мои сперва хитро помалкивали»¹⁵;
- «...ей, **малявочке**, выткнут поневу еще годика этак через три»¹⁶;
- «...мой **малявка** пристал – стукни да стукни»¹⁷.

Зачастую просторечные и разговорные слова располагаются достаточно концентрированно в контексте, создавая впечатление непринужденного рассказа [10]:

«Когда самого, тут, **небось**, каждый сразу смекает. Вытянется, **выдурится?**»¹⁸.

Выдурится – просторечное «поумнеть» (буквально «выйти из состояния дурости, глупости»).

Просторечное *небось* используется в текстах как вводное слово со значением «вероятно» или «пожалуй, должно быть»:

- «...за кого вышел, **вихрастый?** За отца, **небось?** Или за брата?»¹⁹;
- «...мое одеяло в горнице ещё, **небось**, не остыло»²⁰;
- «...**небось**, сыр овечий в тесто кладешь»²¹;
- «**небось**, работу всякую знала и уж снежком могла залепить – очей не протрешь»²²;
- «Она там, **небось**, замуж вылетела – дверь скрипнуть вслед не успела»²³;

¹² Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с.2 34.

¹³ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 261.

¹⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 136.

¹⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 72

¹⁶ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 121.

¹⁷ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 164.

¹⁸ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 196

¹⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 57.

²⁰ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 89.

²¹ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 93.

²² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 73.

²³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 174.

- «...небось, ему не впервой»²⁴.

Экспрессивное разговорное слово *вгорячах*, согласно словарю С.И. Ожегова, является наречием со значением состояния раздражения, запальчивости²⁵:

- «...кто-то *вгорячах* уже бился об заклад на вынутую из уха серьгу»²⁶;
- «...*вгорячах* не взялись разбивать друг другу носы»²⁷.

Частотным в романах М. Семеновой является просторечное слово *больно*, ср.: *больно* как наречие имеет значение «сделать больно кому (разг.) – причинить боль», просторечное *больно* употребляется в значении «очень, весьма, сильно»²⁸ :

- «...мечтать *больно* горазда»²⁹;
- «...*больно* горда!»³⁰;
- «...*больно* бить пяткой в колено»³¹;
- «...врать не буду, я не *больно* обрадовалась»³²;
- «...*больно* дорого досталась мне воля, чтобы так запросто её отдавать»³³;
- «...однако меч – всё-таки не копьё, не *больно* проткнёшь»³⁴;
- «...такой щит не *больно* разрубишь»³⁵.

Таким образом, мы можем утвердить, что, благодаря разговорным и просторечным словам, создается особый контекст повествования, приближенный к народному сказу, кроме того, возникает облик персонажей и в целом образ типического героя произведений М. Семеновой – образ человека простого, но толкового, который ассоциируется у читателя с живым воплощением народной мудрости.

Несмотря на сниженный характер, просторечные слова придают особый оттенок художественному тексту. Они активно используются почти всеми героями романов М. Семёновой и тем самым создают особый мир, близкий и понятный каждому русскоязычному читателю, выросшему на народных сказках, знающему, что собой представляет устное народное творчество.

²⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 226.

²⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с., с. 75.

²⁶ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 221.

²⁷ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 181.

²⁸ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – 752 с., с. 129.

²⁹ Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007 – 640 с., с. 26.

³⁰ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 25.

³¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 183.

³² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 226.

³³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 319.

³⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 257.

³⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 56.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978 – С. 228–297.
4. Кошарная С.А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Белгород: Политерра, 2011. – 178 с.
5. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
6. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю. Русский язык и культура речи. – М.: Проспект, 2006.
7. Коурова О.И. Традиционно-поэтические слова и обороты как лексико-фразеологическая парадигма // Слово памяти: Мемориальный сб. статей, посвященный А.К. Панфилову. – М.: МПГУ, 2003. – С. 74–80.
8. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке. ИЯВШ. – 1981. – N 1. 1980. – № 6. С. 47–50.
9. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. – М., 1988. – 231 с.
10. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.

Boldyreva Sofiya Mikhailovna

Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
Lyceum №9 of Belgorod, Belgorod, Russia
E-mail: sofkasov@yandex.ru

The vernacular vocabulary as a means of rendering the artistic language picture of the world of the author (on the examples of the novels of Maria Semenova)

Abstract. This article is devoted to the analysis of vernaculars that function in the works of “The one I always wait for...” and “Wolfhound” by M. Semenova. Analysis of the collected linguistic material of the novel suggests that these linguistic units also represent the linguistic picture of the author’s world, playing the role of a style-forming factor. Maria Semenova, creating her novels in a completely new subgenre called “Slavic fantasy”, actively uses folk-poetry and pseudo-Volk vocabulary in the process of speech-making, which allows the reader to experience the richness of Russian national language.

The vernaculars, which are not always relevant in writing, are organically woven into the narrative of her works, introducing us as heroes of the wisdom of the people.

The novels of M. Semenova show the life of people in their constant communication with each other, with nature, etc. It is for this reason that the texts contain many dialogues, monologues, that is, the author assigns a significant place to conversational elements. And this is reflected in the choice of lexical tools. During the whole period of the study of texts in the preparation of the thesis and this article, we have counted more than 500 colloquial, colloquial and extra-dialect words, expressions, which function in the writer's works.

In terms of its functional role, in relation to literary language, vernacular is a distinctive speech sphere, which takes place within each national language. Functionally opposed to the literary language, popular speech, like the literary language, is communicatively significant for all speakers of the national language. Being a universal category for national languages, vernacular in each of them has specific features and its own special relationship with the literary language. In common parlance, the units of all language levels are represented; against the background of a literary language, it is revealed in the fields of stress, pronunciation, morphology, vocabulary, phraseology, and word usage.

Keywords: people's poetic vocabulary; language picture of the world; pseudo-folklore vocabulary; folklore; stylization; folk-poetic vocabulary; M. Semenova; slavyan’s fentezi; impersonations; idiostyle; dialect; vernacular; obsolete words

REFERENCES

1. Kosharnaya S.A. (2002). Mif i yazyk: Opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira. [*Myth and language: The experience of linguoculturological reconstruction of the Russian mythological picture of the world.*] Belgorod: Publishing house Belgorod State University, p. 288.
2. Bondaletov V.D. (1987). Sotsial'naya lingvistika. [*Social linguistics.*] Moscow: Enlightenment, p. 160.
3. Vinogradov V.V. (1978). Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. [*Selected Works. History of Russian literary language.*] Moscow, pp. 228–297.
4. Kosharnaya S.A. (2011). V zerkale leksikona: vvedenie v lingvokul'turologiyu. [*In the mirror of the lexicon: an introduction to linguistic culturology.*] Belgorod: Polyterra, p. 178.
5. Tolstoy N.I. (1995). Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i ehtnolingvistike. [*Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics.*] Moscow: Indrik, p. 509.
6. Ippolitova N.A., Knyazeva O.Yu. (2006). Russkiy yazyk i kul'tura rechi. [*Russian language and culture of speech.*] Moscow: Avenue.
7. Kourova O.I. (2003). Traditsionno-poeticheskie slova i oboroty kak leksiko-frazeologicheskaya paradigma. Slovo pamyati: Memorial'nyy sb. statey, posvyashchenny A.K. Panfilovu. [*Traditional poetic words and momentum as a lexical and phraseological paradigm. Word of Memory: Memorial Saturday. articles dedicated to A.K. Panfilov.*] Moscow: Moscow Pedagogical State University, p. 74–80.
8. Tomakhin G.D. (1981). Realities in culture and language. *Foreign languages in high school*, 1, 6, pp. 47–50 (in Russian).
9. Koporskaya E.S. (1988). Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni. [*Semantic history of Slavicisms in the Russian literary language of the new time.*] Moscow, p. 231.
10. Kolesov V.V. (1986). Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. [*The world of man in the word of ancient Russia.*] Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, p. 312.